

Праздник на улице Мира.

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

К Р О К О Д И Л

(НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ТУРКМЕНСКОГО КАНАЛА)

Рис. Л. БРОДАТЫ

— Не верю! Это всё коммунистическая пропаганда!

ВЫСТРЕЛ «АВРОРЫ»

ПО МИФОЛОГИИ, Аврора — богиня. Богиня утренней зари. Юная и прекрасная, она каждое утро поднималась из океана на колеснице, запряжённой светлыми конями, и возвещала миру о наступающем дне.

Господа с Сити никогда не сердились на богиню утренней зари. Эта мифическая дама не мешала жить господам с Сити и Уолл-стрита.

И вдруг:

— Когда я слышу слово «Аврора», моя рука тянется к оружию.

Это сказал один из заправил Сити. Сказал 2 года назад. А думает он об этом 34 года. И, как известно, не только думает.

Есть над чем думать империалистам — английским, американским и прочим.

«Крейсер «Аврора» громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил 25 октября начало новой эры — эры Великой социалистической революции».

Так веско и кратко сказано в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

И это не мифология. Это правда жизни, это история.

Известно, что «Аврора» стреляла холостыми зарядами. Однако:

— Зимний дворец разрушен!

— Бунтовщики с «Авторы» расстреливают русскую культуру!

— Варвары-большевики разрушают сердце России — Петроград!

Так вопила белая знать. Так вопила буржуазная пресса. Так вопили господа с Сити и Уолл-стрита, услышав выстрел «Авторы».

Зимний дворец остался целым и невредимым.

Русская культура обогатилась за годы советской власти так, как не обогатилась ни одна другая культура в мире.

Сердце России — Ленинград стал городом-героем, пред которым ныне даже и господа с Сити не смеют не снять шапки.

А те, кто вопил? А те, кто бряцал оружием и шёл походом на «варваров-большевиков»? А те, кто в марте 1918 года хотел взорвать «Аврору», подложив адскую машину?

Чертополохом и бурьяном поросли могилы многих и многих вопивших и бряцавших.

Залп «Авторы» произошёл вечером. Но он возвестил утро новой, социалистической эры, и поэтому обитателям Сити и Уолл-стрита не спится по ночам; эхо выстрела «Авторы» будет преследовать их до гробовой доски.

Выстрел «Авторы» возвестил:

— Мир — хижинам! Война — дворцам!

— Долой войну!

— Да здравствует мир во всём мире!

Поэтому «тайно и злобно оружия ищет рука» поджигателей войны, когда они слышат слово «Аврора».

Многие историки пишут, что залп «Авторы» был сигналом к штурму Зимнего дворца. Это не точно. Выстрелы «Авторы» послужили сигналом к штурму мирового капитализма. И штурм этот продолжается с нарастающей силой.

Залп с «Авторы» был холостым. Но сколько от него полетело корон, временных правительств и временных правителей!

И сколько ещё полетит этих временных! Исторически неотвратимая судьба керенских и гучковых рано или поздно будет судьбой Сити и Уолл-стрита. Придёт народ, и

«раскатившийся властью

бас,

окрепший

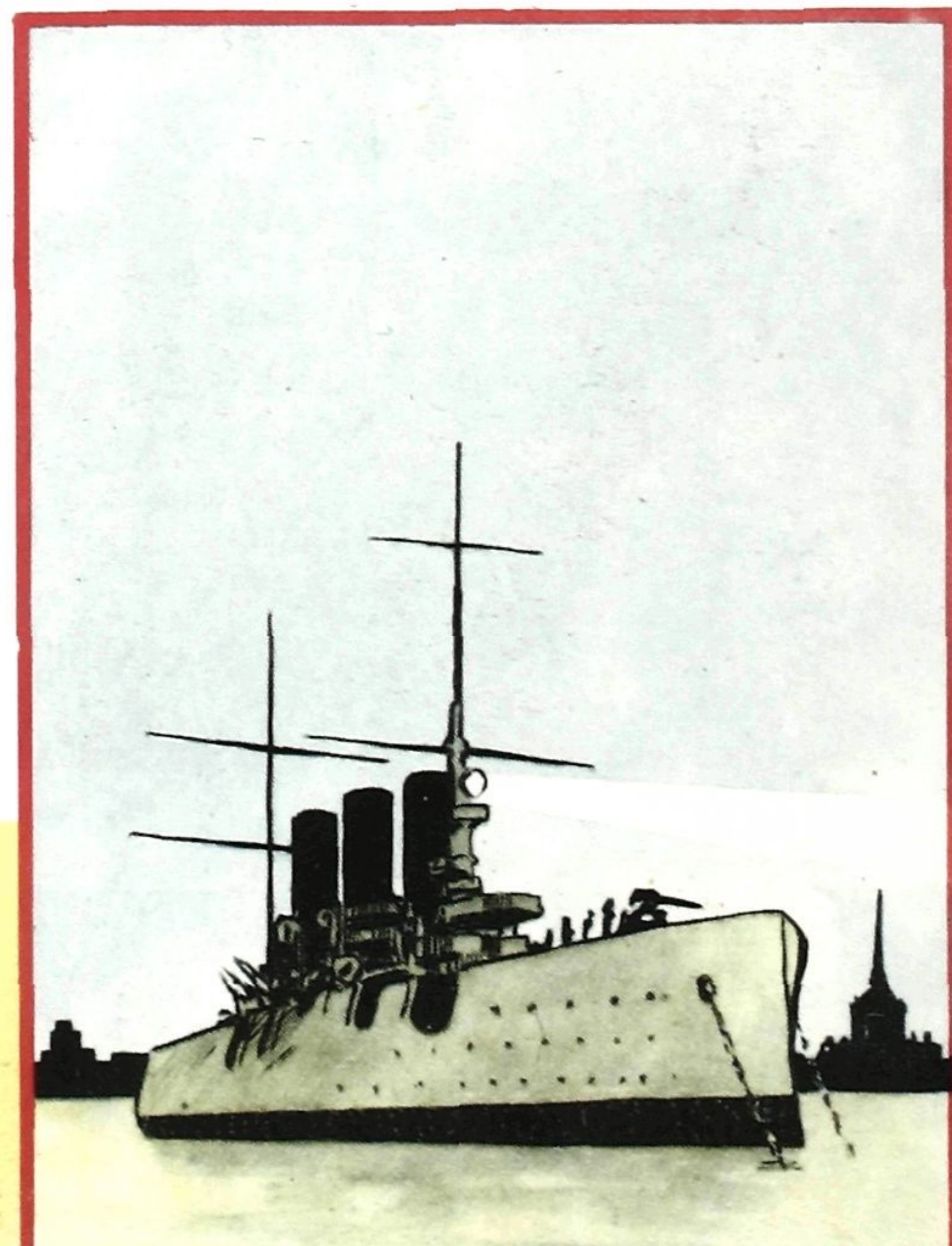
над реями рея»,

заявит всем ситчикам и уолл-стритчикам:

«Которые тут временные?

Слазь!

Кончилось ваше время».

— К нам сегодня в Москву заморские гости придут!
 — Кто!
 — Сестра с мужем из Рыбинского района!

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

ОКТЯБРЬСКИЙ РАПОРТ

Наш народ решительно и смело,
 Призывая к мирному труду,
 «ДЕЛО МИРА — ЭТО НАШЕ ДЕЛО», —
 Заявил в семнадцатом году.

Вахту мира до сих пор несут
 Делом чести сделавшие труд.

Каждый год в предпраздничные дни
 Рапортуют Родине они.

Рапортуют хлебом и металлом,
 Углем,
 нефтью,
 сталью,
 чугуном...

План досрочно выполнен Уралом...
 Выстроен театр...
 Построен дом...

В строй вступила новая турбина...
 Выращены новые сады...
 Пущен газ...
 Закончена картина...
 Созданы научные труды...

Шелестит густая зелень леса
 Там, где даже не было куста...

Рапортуют Минск,
 Ташкент,
 Одесса,
 Киев,
 Сталинград,
 Алма-Ата...

Рапорт присылает Гидрострой:
 «Рапортует новою рекой,
 Обещаем, что закончим вскоре
 И сдадим в готовом виде море».

Получив и выполнив задание,
 Рапорт шлют учёные Москве:
 «Провели успешно испытанье,
 Бомба есть! И не одна, не две...

Столько, сколько нужно, чтобы ясно
 Стало для любого мудреца:
 Палкою размахивать опасно,
 Раз имеет палка два конца!»

Каждый новый рапорт костью в глотке
 У заморских извергов торчит.
 Издавна успехов наших сводки
 Уолл-стриту портят аппетит.

Издавна, мечась в остервененье,
 Мировых концернов главари
 Видят лишь в войне своё спасенье,
 Но войне... мешают Октябри.

В Октябре в Китай пришла свобода,
 Мир неся на знамени своём.
 И Октябрь германского народа
 Рядом встал с китайским Октябрём.

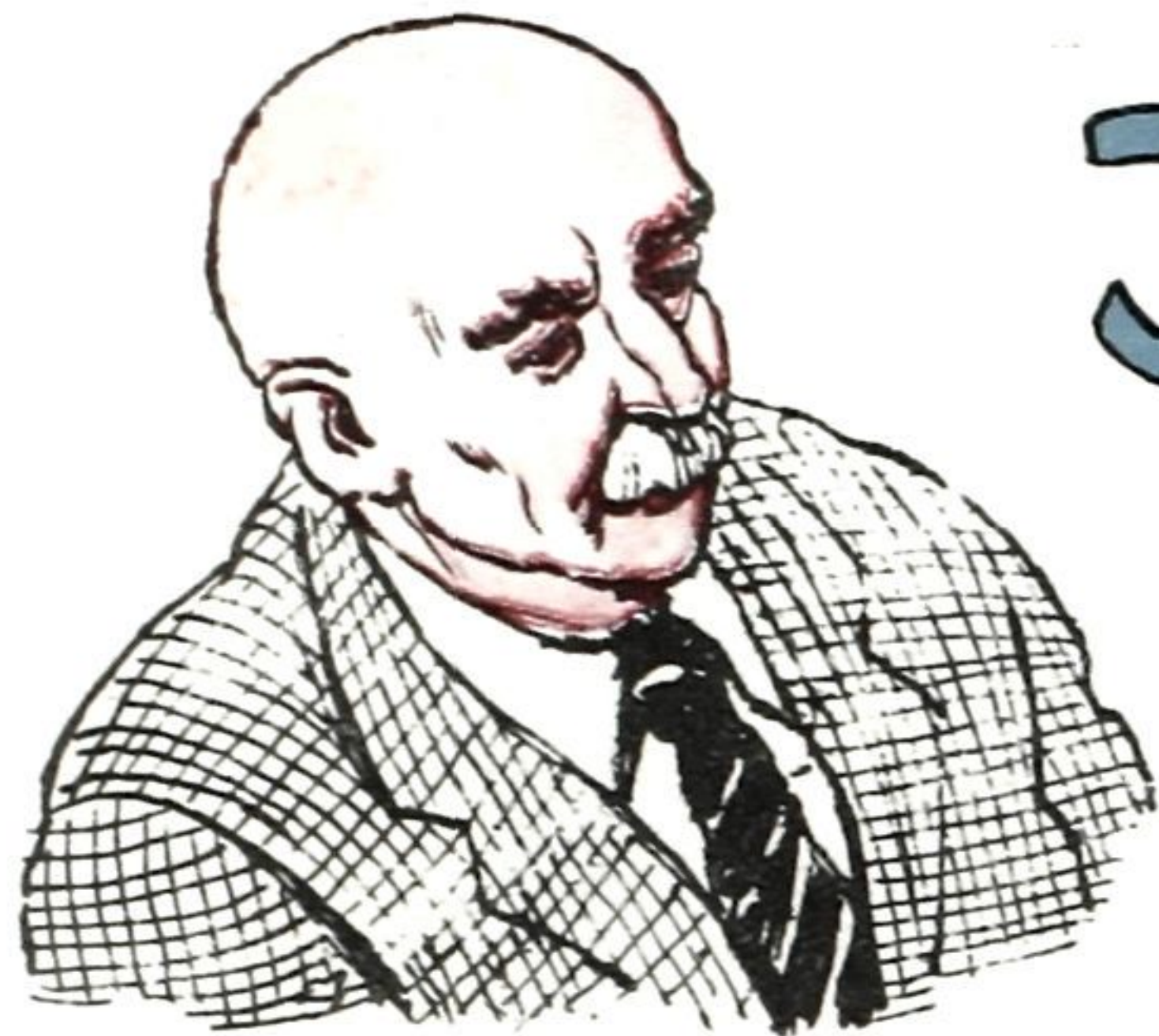
С ними рядом Прага и Варшава,
 Бухарес,
 Тирана,
 Будапешт...

Принесла октябрьская им слава
 Мир и воплощение надежд.

Не страшна им больше непогода,
 Не закроют тучи небосвод...

В Октябре семнадцатого года
 Встал на вахту мира наш народ.

ПЕРВЫЙ ОТПУСК

СЕЙЧАС-ТО всё это само собой разумеется. А вот когда мы вскоре после войны услышали, что готовится для трудового люда, так даже не верилось. Курорты, здравницы, дома отдыха... и всё это для нас?! В тот год даже полный и оплачиваемый отпуск ещё был событием для каждого. У доски, где вывешивали список отпускников, постоянно толпились шахтёры. Одним не терпелось увидеть свои фамилии на доске. Другие не верили, что они вообще когда-нибудь получат отпуск. Среди таких был и старый Витасек. Когда его фамилия наконец появилась в списке, он слегка ошалел и ходил сам не свой.

— Так вот, ребята, и я там записан. Подите-ка, прочтите: Ченек Витасек. Честное слово! Ну, подите же!

Каждый вынужден был подойти и прочитать слова «Ченек Витасек». Ничего не поделаешь, старик никому не давал покоя. А впрочем, как не понять его? В старое время, при кризисе, никто особенно не добивался отпуска. Свободных дней хватало и в течение года, ведь работали всего три дня в неделю и заработки были половинные. А при гитлеровцах какой уж там был отпуск!..

В первый год после войны отпусков ещё не давали, потому что работы было ну прямо по горло. Короче говоря, отпуска начались только теперь, и, по правде сказать, это действовало как-то ошеломляюще.

— Слушай-ка, дед, а куда ты поедешь?

— Как куда? В отпуск!

— Да, но куда? В какой-нибудь город? Или, может, на курорт?

«Чёрт побери, — думает Витасек, — я и не думал, что надо куда-то ехать! А мне-то казалось, что уже хватит того, что я в отпуску. Видно, надо придумать какую-то поездку».

Витасек поговорил с женой: куда бы, мол, поехать им вместе. Но это предложение не нашло сочувствия.

— Ты, старый дурень, — сказала жена. — Разве я могу ехать? А кто же будет носить козам клевер?

Наконец старик решил, что проведёт отпуск дома. И в самом деле, что может быть лучше домашних обедов?

За неделю до отпуска он начал прощаться с товарищами на шахте.

— Эй, послушай! — говорил он то одному, то другому. — Ты на той неделе работаешь в ночную, я тебя уже не увижу. Так будь здоров, счастливо оставаться, я ухожу в отпуск.

В конце концов шахтёры стали подшучивать над Витасеком и кричали ему в умывалке:

— Эй, Витасек, ты ещё со мной не попрощался! Поди-ка сюда, почеломкаемся!

О том, что Витасек идёт в отпуск, на шахте знали все до единого, включая уборщиц в конторе. С ними Витасек тоже распрощался честь честью. С каждым днём он становился всё озабоченнее. Ведь вот он уходит в отпуск на бог весть сколько

дней, а, кто знает, справятся ли без него ребята с прокладкой нового штрека на шестом участке.

— На «Шестёрке» глядите в оба! Особенно ты, Вашек, не зевай.

Бригадиру это уже надоело, и он отвёл Витасека в сторону:

— Слушай-ка, старче, не дури и иди себе домой. С завтрашнего дня ты в отпуску, так оставь уж всё это нам.

— Иду, иду, — вздохнул Витасек и обвёл взглядом всё окружающее с таким видом, словно уходил навеки.

Настал первый день отпуска. В пять часов утра старый Витасек был уже на ногах.

— Ты чего встал, почему не спишь? — проворчала сонная жена. — Ведь тебе сегодня не идти на работу.

— Что с того, что на работу не иду?.. Этак недолго проспаться весь отпуск. В такие-то дни и надо вставать пораньше, чтобы попользоваться ими вволю.

Витасек надел праздничный костюм, почистился щёткой и вышел из дому. Настроение у него было торжественное, чувствовал он себя как-то неладно. «Что это со мной такое? Как-то не по себе, словно жмёт воротничок... Ну да, это нелепое самочувствие оттого, что сегодня будний день, а я тут хожу в новом костюме, как барин...» Витасек рассеянно здоровается с людьми, не глядит, куда его несут ноги. Потом, подняв голову, убеждается, что они принесли прямехонько к шахте. Там его замечает инженер.

— Вы что тут делаете, Витасек? Не собираетесь ли вы весь отпуск простоять около проходной?

— Почтение, господин инженер. Сам не знаю, как меня сюда занесло... Э-э, нет, знаю! Забыл сказать, что на днях заходил я на третий участок — помните, мы там в прошлом году замуровали горящий штрек? — осмотрел там всё и думаю, что можно уже его открывать. Так чтобы там у нас не забыли об этом.

Инженер кивает. Витасек прощается и идёт дальше.

«Надо следить за собой, чтобы я опять не забрёл к шахте, — думает он. — Ребята увидят, подымут на смех».

Витасеку на солнце в новом костюме жарко. Он садится в поле, на меже. Оттуда, как на ладони, видна шахта, над ней курится дым, вертятся колёса подъёмной башни.

«Вертятся... Значит, уголь идёт на-гора, — удовлетворённо думает Витасек и ложится на траву. — Вот тут, подо мной, штреки. Тут где-то работают ребята. А я зря горчу наверху... Пойти, что ли, в лесок, там прохладнее. Но из лесу шахту не видать...»

Шахтёр Витасек бродит по полевым дорогам, срывает цветок, вставляет его себе в петлицу, пугает зайца. Но всё это не приносит ему радости.

Наконец он слышит гудок. Кончилась смена. Витасек поворачивает домой с таким расчётом, чтобы встретить товарищей, выходящих из шахты. Пусть-ка поглядят на него, отпускника!

Стоя на дороге, Витасек окликает ребят, а они здороваются с ним и подшучивают запросто, по-шахтёрски, без особых тонкостей:

— Так что, Витасек, бегал уже за девочками?

— Гляди, как бы тебя твоя старуха не огрела по спине за такие дела!..

Вся смена уже прошла. Витасек остаётся

один на дороге. Не идти же ему, в самом деле, с ними вместе! Ведь он не с работы, он отпускник! Ему торопиться некуда, он должен ходить не спеша, потому что он в отпуску.

«Чёрт подери, нелёгкое это дело — отпуск, всё время ходишь один, как сыч», — думает Витасек и плетётся домой.

После работы он обычно ложился вздремнуть на часок. Сегодня его тоже клонит ко сну. Привычка! Но разве можно ложиться спать, если ты весь день ничего не делал?

«Так будет каждый день, пока не кончится отпуск», — думает старый шахтёр.

После обеда Витасек для разнообразия отправляется в лес, захватив корзинку для грибов. Но так как он не поспал днём, на него нападает неодолимая сонливость, и старик решает вздремнуть в лесу.

«В самом деле, в отпуску я или нет? Грибы подождут. Ребята надо мной потешаются, что я не знаю, куда себя деть в отпуску, так вот теперь я скажу им: после обеда я хожу в лес, чтобы поспать на свежем воздухе, что полезно для здоровья».

Витасек ложится. Проходит несколько минут.

«Батюшки мои, — думает он, — и как это только людям может нравиться спать в лесу! Не чувствуют они, что ли, как по ним ползают муравьи, как противно колются трава и хвойные иголки?!»

Недовольный возвращается Витасек из лесу. Перед ним дымится труба, крутятся колёса подъёмника, клубится пар из вентиляционной трубы. Старый шахтёр решительно сворачивает в ту сторону. С него хватит. Он горюливо подходит к шахте, кивает вахтёру в проходной и устремляется в завком.

— Слушай-ка, председатель, нельзя ли мне... этого... того... вернуться на работу?

Председатель поднимает голову. Он раздражён, ему опять помешали: он пересчитывает пачки табаку, которые сегодня надо раздать шахтёрам, и каждый раз кто-нибудь входит и сбивает его со счёта.

— Вот ещё новое дело! — сердится он. — Ты получил отпуск, так дай мне покой!

Но Витасек тоже распалился, и через минуту из завкома слышны шумные препирательства:

— А я не хочу отпуска, понял?

— Должен хотеть, и не приставай!

— Председатель ты или не председатель?

На счастье, через двор проходит инженер. Он качает головой, когда председатель объясняет ему, в чём дело. Необычный, конечно, случай, но ведь нет никакого смысла насильно посылать человека в отпуск, когда на шахте как раз нужны люди. В конце концов, это даже достойно всяческой похвалы, если Витасек предпочитает отказаться от отпуска. Разумеется, он получит компенсацию.

Председатель возвращается в завком:

— Ладно, можешь хоть завтра лезть в забой.

Витасек усмехается и выходит с довольным видом. Наутро мы снова видим его в шахте.

Однакож не зря он сам часто говаривал, что к хорошей жизни не так уж трудно привыкнуть. Привык и Витасек. Свой следующий отпуск он провёл на курорте. Словно всю жизнь по курортам ездил. Только нам, на шахту, каждый день посылались открытки с видами.

Перевод с чешского
Юр. АКСЕЛЬ

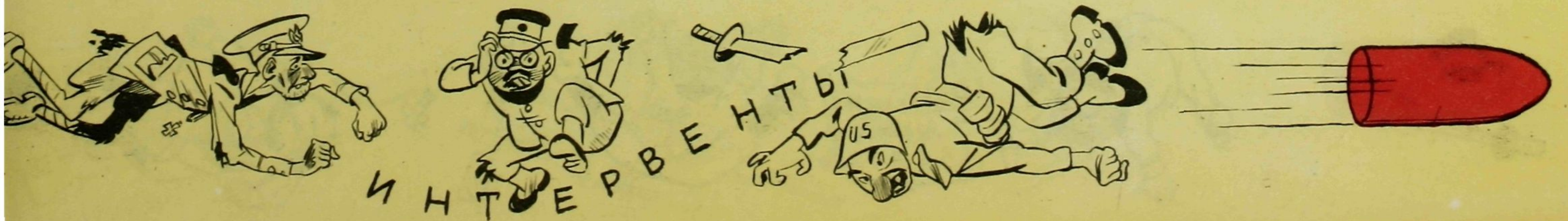

В маршаллизованных странах закрыто много школ. Средства, предназначенные на народное образование, идут на вооружение.

Раix!
Мир-Мир!
Peace!

Несмотря на то, что закрыты школы, дети пишут вполне грамотно.

СУДЬЯ МЕДИНА И ЕГО БОГ

НЬЮ-ЙОРКСКИЙ судья Медина стал мировой известностью в 1949 году, когда он в течение долгих восьми месяцев председательствовал на судебном процессе 11 лидеров Коммунистической партии Соединённых Штатов.

Помещение, в котором происходил суд над коммунистами, охраняли 45 сыщиков, 38 полицейских офицеров, 14 конных и 308 пеших полицейских. Пожилой человек в чёрном костюме с одутловатым постным лицом явного ханжи и тайного садиста, сидевший на председательском кресле, старался изо всех сил. Он орал на подсудимых, штрафовал их, запугивал защитников, сбивал с толку свидетелей, — одним словом, делал всё, чтобы заслужить одобрение пославших его и чтобы бедная американская Фемида — богиня правосудия — не только закрыла повязкой глаза, но и заткнула ватой уши.

Жёлтая реакционная пресса дудела в иерихонские трубы — на все лады пела хвалу «неподкупному» судье Медине, сумевшему «осудить коммунизм», хотя каждому здравомыслящему и честному человеку было ясно, что председательствовать на процессе, исход которого был заранее предрешён, в конце концов сумела бы даже любая из четырнадцати полицейских лошадей, гарцевавших перед зданием одного из самых позорных судилищ мира.

Но вот судебный спектакль окончился — занавес опустился. Лилипуты буржуазии оттащили в тюрьму связанного по рукам и ногам коммунистического Гулливера. К числу известных своим бесстыдством инсценировок суда над коммунистами, начиная с кельнской, о которой писал Карл Маркс, и кончая лейпцигской, которую помним мы, современники пламенного Димитрова, прибавилась ещё одна, столь же непристойная — нью-йоркская.

В награду за своё усердие Медина получил повышение: теперь он не просто судья, а председатель федерального апелляционного суда. Кроме того ему отвалили 1 500 долларов — премию из «фонда Свободы», созданного стальными и свинными королями для поощрения своих политических и литературных верноподданных.

Правда, раздавались голоса, что, дескать, маловато дали Медине за его тяжёлую заплочную работу на процессе в Нью-Йорке, но ведь не дорог, как говорится, подарок, а дорога хозяйская любовь. И потом известно, что судья Медина всё равно своё возьмёт: не такой он мужчина, чтобы не взять! Он зарабатывает до 100 тысяч долларов в год, давая частные советы монополиям по разным коммерчески-судебным кляузным делам. В Америке это считается частным и честным бизнесом судьи. Уменьше Медины хapat крупные куши вызывает у его коллег-судей не чувство негодования и возмущения, а лишь чувство зависти.

В общем, про Медину стали забывать. И мы-то уж, во всяком случае, не вспомнили бы про него, если б он сам о себе не напомнил.

В августовской книжке американского журнала «Ридерс дайджест» опубликована речь Медины, которую он произнёс в церковном клубе в Нью-Йорке. Знаете кто, оказывается, был, так сказать, соавтором Медины на процессе 11 коммунистических лидеров?

Не более и не менее, как сам господь бог! Он незримо присутствовал на процессе, давал Медине — на ушко! — мудрые советы, ободрял его, поддерживал его силы, чуть ли не пере-

листывал за него юридические справочники, и уж, во всяком случае, это он, всевышний, голосом судьи Медины поносил нечестивцев, приговаривая их к заключению в карцер за неуважение к суду. Оказывается, что Медина давно уже является божьим напарником, о чём почтенный судья с подкупающей скромностью так прямо и вещал с кафедры церковного клуба:

— Загадочное присутствие кого-то даёт себя чувствовать на каждом процессе в моём суде. Кто-то всегда наблюдает за мной... Так было и тогда, когда я председательствовал на процессе одиннадцати коммунистических лидеров в Нью-Йорке в 1949 году. Только молитва за сценой помогла мне перенести это тяжёлое испытание... В один прекрасный день один из подсудимых отказался ответить на вопрос, ссылаясь на конституционные гарантии... Я дал ему время для консультации со своим защитником. Я выждал целые сутки, чтобы быть уверенным, что я правильно истолковываю закон.

В это время я молился. На следующий день, 3 июля 1949 года, я приговорил этого обвиняемого к заключению в карцер на тридцать дней... Я хочу сказать, что моей волей руководил не я один. Если когда-либо человек чувствовал присутствие ещё кого-либо рядом с ним, укрепляющего его волю и дающего ему помощь и утешение, — это был я в тот день... То же самое случилось в конце августа 1949 года, когда подсудимые коммунисты подняли такой шум, что я наконец вышел из зала заседания и лёг в своей комнате. Буду откровенным: я думал тогда, что, возможно, больше не вернусь в зал заседания на своё судейское место. Мне казалось, что мне больше не вынести. Я был готов сдать. Я обратился к богу с просьбой помочь мне выполнить его волю... Этот краткий период общения с моим творцом спас мою жизнь и спас процесс. Через пятнадцать минут я со свежими силами вернулся в зал заседания. В тот момент я набрался сил до конца процесса.

Итак, судье Медине — с помощью бога — удалось закончить процесс и посадить американских коммунистов в тюрьму. Некий древний царь однажды приказал высечь море за то, что волны разбили его корабли. Море было наказано, но бури не прекратились, и волны продолжали бушевать. Можно заточить в тюрьму коммунистов, но коммунизм осудить нельзя, даже если на председательском кресле в суде сидит не один судья Медина, а Медина и его бог. Остаётся только установить, как же выглядит бог Медины. Нет, это не бородатый благообразный старичок Саваоф, восседающий на ватных облаках; не румяный Аллах в белой чалме; не хмурый Иегова, мечущий взгляды-молнии из-под седых сердитых иудейских бровей, — нет, бог судьи Медины выглядит иначе. Это вполне современный и вполне уважаемый мужчина в мягкой шляпе, с сигарой во рту, с кислыми от хронического несварения желудка глазами, с хищным оскалом и тяжёлой челюстью. И восседает он не на облаке, а скорей уж на несгораемом шкафу. Одним словом, в Америке нет бога, кроме Уолл-стрита, и Медина — судья его.

Рис. В. ФОМИЧЕВА

Итак, судье Медине — с помощью бога — удалось закончить процесс и посадить американских коммунистов в тюрьму. Некий древний царь однажды приказал высечь море за то, что волны разбили его корабли. Море было наказано, но бури не прекратились, и волны продолжали бушевать. Можно заточить в тюрьму коммунистов, но коммунизм осудить нельзя, даже если на председательском кресле в суде сидит не один судья Медина, а Медина и его бог. Остаётся только установить, как же выглядит бог Медины. Нет, это не бородатый благообразный старичок Саваоф, восседающий на ватных облаках; не румяный Аллах в белой чалме; не хмурый Иегова, мечущий взгляды-молнии из-под седых сердитых иудейских бровей, — нет, бог судьи Медины выглядит иначе. Это вполне современный и вполне уважаемый мужчина в мягкой шляпе, с сигарой во рту, с кислыми от хронического несварения желудка глазами, с хищным оскалом и тяжёлой челюстью. И восседает он не на облаке, а скорей уж на несгораемом шкафу. Одним словом, в Америке нет бога, кроме Уолл-стрита, и Медина — судья его.

Леонид ЛЕНЧ

УЧЕНЬЕ-ТЬМА

В штате Виргиния создаётся специальная школа, в которой молодежь из маршаллизованных стран будет обучаться «американскому образу жизни». Пост директора школы получил филадельфийский банкир Джей Кук.

Итак, банкир филадельфийский,
Непререкаемый знаток
По части бизнеса и виски,—
Отныне вроде педагог.

Джей Кук! — теперь директор школы
«Доллароведческих наук».
Конечно, будет не глаголы
Преподавать там мистер Кук!

Не геометрию — тем паче —
И не какой-нибудь бином —
Учебный план совсем иначе
Задуман в пансионе том.

Маршаллизованным курсантам
Подведомственных Штатам стран
Особый приготовлен план там —
«Американской жизни» план!

Ученикам напомним янки,
Что в Штатах бог-отец — доллар,
Бог-сын — процент, растущий в банке,
И дух святой — товар, товар!

Что высшая идея века:
Для избранных — побольше благ!
Что нищета для человека
Полезна, если он бедняк;

Что гнуть должны народы спины
Перед Рокфеллером в дугу,
Его усваивать доктрины,
А он — присваивать деньги!

При школе есть и кабинеты,
Лабораторий целый ряд,
Где бомбы, яды и кастеты
В порядке строгом возлежат,

— Если так будет продолжаться, то из-за их голосов совсем не будет слышно нашего голоса!

ЗА МИР!

**СТАЛИН
ЭТО МИР!**

Где действует запрет жестокий
Считать людьми простой народ
И где преподают уроки
«Демократических свобод».

Легко понять «свободу» эту:
Поклявшись ею, Уолл-стрит
Всему разбуженному свету
Тюремной камерой грозит.

Джей Кук предусмотрел и взвесил
Учебный план, насколько мог:
С покупкой двух электрокресел
Для казней создал уголок;

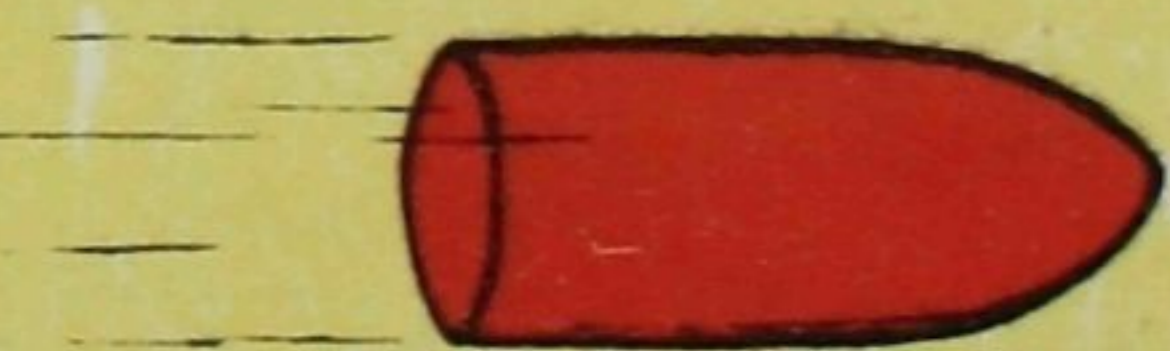
Чтоб шаткой не терять опоры
И множить армию рабов,
Купил новейшие приборы
Для измеренья черепов.

Во всём: в программах, в планировке —
Рука умелая видна.
Преобладают в обстановке
Коричневатые тона...

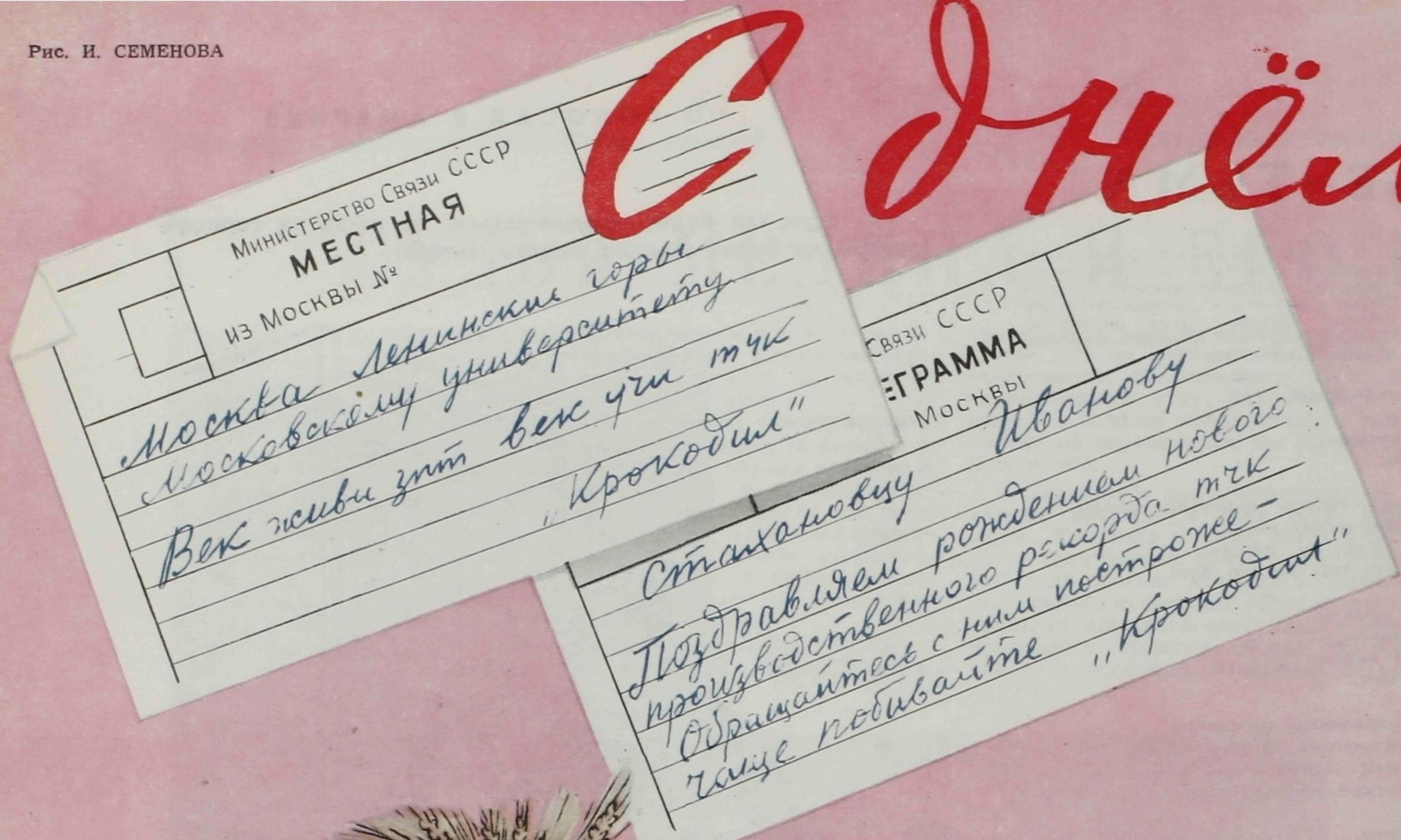
Ученье — свет.
Но в диком крае,
Где поглотила свет тюрьма,—
И школа-то у них такая,
Что в ней ученье — тоже тьма!

Рис. Бор. ЕФИМОВА

провокация
под
ЛЕНИНГРАДОМ

С днём

ИМЯ — МИР.
В семнадцатом
О Мире
Недаром же
—Родился в

СЛУЧАЙ С КРЫЛОВСКОЙ ЛИСИЦЕЙ

Лисица под Москвой попала в сад.
Там кисти сочные, как яхонты, горят
И рдеют очень невысоко.
Их чует зуб, не только видит око.
На этот раз плутовке повезло:
Добыче аппетитной рада,
Лисица съела винограда
Не меньше трёх кило.

На басню нечего коситься:
Пускай в ней за уши притянута
Лисица,
Но то, что под Москвой
родится виноград,
Нам подтверждает фактов ряд.

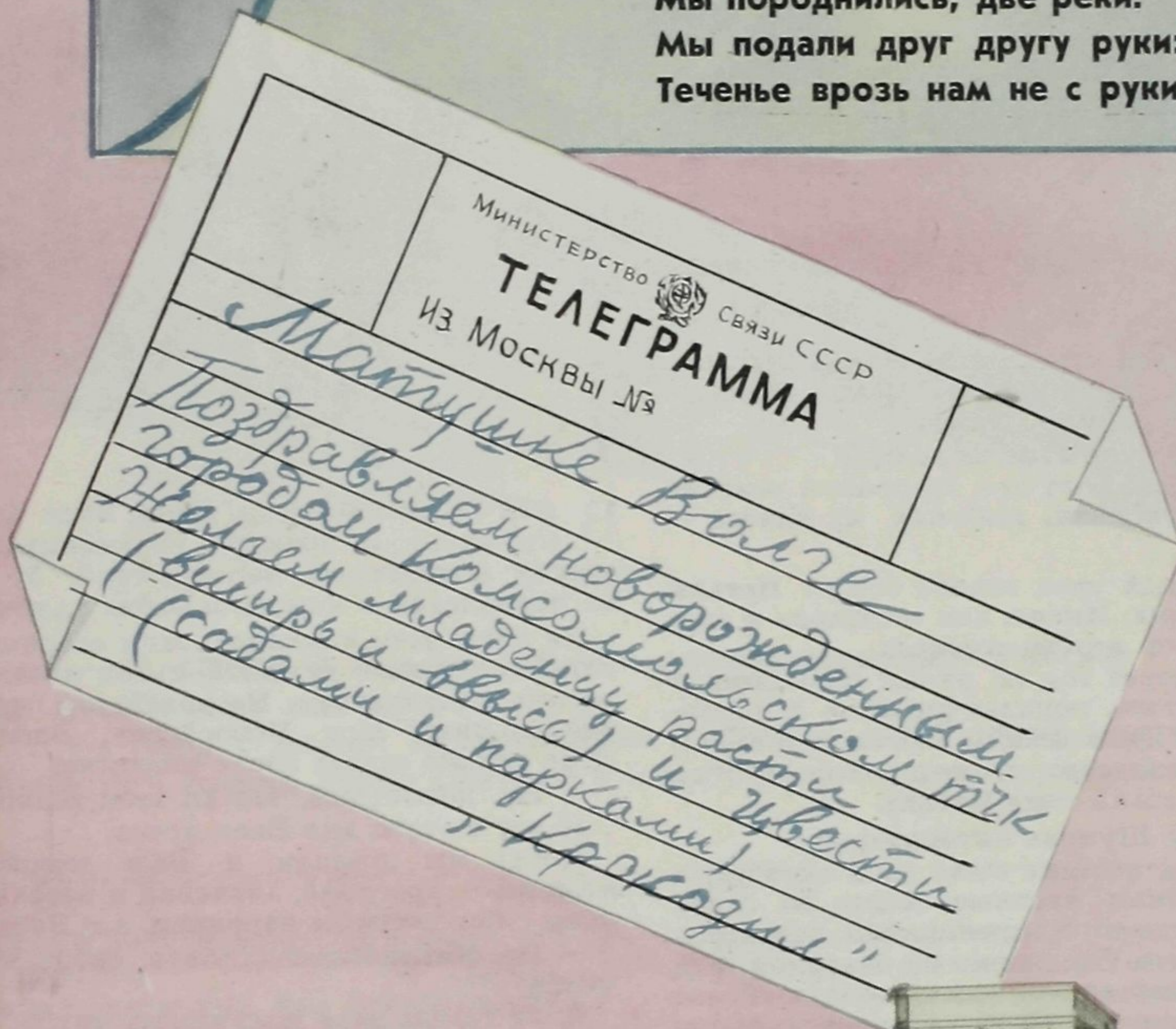
Уродился на славу!

ождежня!

ВОЛГА — ДОНУ:

— Ушли навеки дни разлуки,
Мы породнились, две реки.
Мы подали друг другу руки:
Течение врозь нам не с руки!

РОЖДЕНИЯ — 1917

оду
мир облетела весь

на весть.
го нем:
с Октябрём!

СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ

Растёт высотный дом
и тянется к луне.
Квартиру в доме том
предоставляют мне.
На верхнем этаже
я поселюсь с женой,
Отмечу радостно
вселенья дату.
Приятно будет нам
под самую луной
Прослушать
Лунную сонату.

**БУДУЩИЙ
ЖИЛЕЦ-ВЫСОТНИК**

— Разрешите пристроиться!..

Вспомни-ка, товарищи!..

(МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ ИЗ БОЛЬШОГО ПРОШЛОГО)

ПЕТЬКА-ЛИТЕРАТОР

С КЛОННОСТЬ к критическому восприятию явлений и вещей у Петьки Шумова проявилась ещё во втором классе начальной школы.

Петька был коренастый крепыш, с лукавыми, вечно смеющимися глазами, с россыпью крупных веснушек на лице, со щёткой яркорыжих волос, не поддающихся гребню...

Так вот, однажды учитель закона божия отец Ксенофонт стал читать в классе евангелие:

— «Авраам родил Исаака. Исаак родил Иакова. Иаков родил...»

Петька так звонко и заразительно расхохотался, что, глядя на него, весь класс покотился со смеху.

Отец Ксенофонт встал со стула, недоуменно посмотрел на Петьку:

— Что ты ржёшь, остолоп?

Петька продолжал неудержно хохотать и не мог вымолвить слова.

— Вон из класса, архибестия!

Петька вышел в коридор. Отец Ксенофонт снова взял евангелие:

— «Авраам родил Исаака. Исаак родил Иакова. Иаков родил...»

Дверь приоткрылась, показалась рыжая голова:

— Батюшка, так не бывает — мужчины не рожают...

Класс грохнул смехом. Отец Ксенофонт зло захлопнул евангелие и, размахивая рукавами подрясника, выбежал из класса — пошёл жаловаться инспектору...

После этого целую неделю каждый урок закона божия Петька стоял за классной доской на коленях. Иначе, как «остолоп» и «архибестия», законоучитель с тех пор его не называл.

Петька в долгу не остался. Через год по рукам школьников ходила уморительная «Сказка о попе, попадьё-стрекозе и поповской козе». Написана была сказка пушкинским слогом, а в смешных рисунках было такое верное сходство, что все узнавали отца Ксенофонта и матушку. Рисунки делал тоже Петька.

С тех пор мы и прозвали Петьку Шумова литератором...

Октябрьская революция в нашем посёлке была не в октябре, а в декабре. До этого власть захватили местные эсеры во главе с лавочником Гурьяном. Вот тогда-то и проявились петькины таланты с особенным блеском. Почти ежедневно на базарной площади стала появляться всеобразная сатирическая газета «Голос Октября». Стихи, побасенки и злые карикатуры на «временное правительство» Гурьяна собирали и смешили целые толпы народа. Запомнились карикатуры на главара «правителей» лавочника Гурьяна, коротконового толстяка с огромным животом. Во время февральской революции он возглавлял манифестацию в посёлке. Шёл впереди и, выпятив живот, во всю глотку орал:

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил...

Таким и нарисовал его Петька и сделал подпись: «Гурьян от голода распух».

Гурьян развёз по посёлку на тройке. И вот в газете появилась карикатура с подписью:

Товарищи! Приятно ль зрить картину,
Как три скота везут одну скотину?

Вскоре, конечно, узнали, кто выпускает газету. Но поймать с поличным Петьку не могли. Выдала Петьку... поповская коза. Та самая коза, о которой когда-то Петька написал сказку. Эта коза, единственная из всех коз посёлка, имела неограниченное право разгуливать по базарной площади в любое время дня и ночи. Остальных коз, бродивших по площади, урядник загонял к себе на двор, и владельцы платили ему штраф.

Петька и его помощники заметили, что коза пристрастилась глотать газету: газета приклеивалась мучным клейстером. Тогда было решено поймать козу, увести её в лес, привязать к дереву и тем обезвредить.

И — надо же! — когда ввели поповскую козу в лес, это заметили два конных стражника. К этому и придрались. Ребят схватили и посадили в кутузку, обвинив их в краже поповской козы.

Сидеть им пришлось всего семь дней. Вернулись в посёлок солдаты с фронта. Среди них было несколько большевиков. Они вытурили «временное правительство» Гурьяна и установили советскую власть...

В девятнадцатом году Петька Шумов с отрядом комсомольцев-добровольцев ушёл на Колчаковский фронт. Его фамилию во время последней войны я встречал в одной военной газете. А где теперь Петька-литератор — не знаю.

Петькину газету в посёлке и сейчас многие помнят. Впрочем, это уже не посёлок, а большой промышленный город, районный центр. Районная газета там называется «Голос Октября».

ДЕЛЕГАТ

В АВГУСТЕ 1919 года исчез Вася Филяев, балагур, сказочник, музыкант и артист — незаменимый организатор множества всяких интересных мероприятий. И вот несколько дней Вася не появляется в комсомольском клубе...

На последнем комсомольском собрании проходили выборы делегата на первый уездный съезд комсомола. Была выставлена и васина кандидатура. Но делегатом избрали не его, а молодую учительницу Иру Новосёлову. Вася был страшно огорчён и даже ехидно сказал после собрания:

— Ну, посмотрим, что из этой делегатки получится.

И вот с этого дня Вася исчез.

Когда мы пришли к Васе домой, Пелагея Ивановна, его мама — красивая, ласковая и весёлая женщина, — угостила нас чаем с брусничным вареньем, а о Васе сказала:

— Не беспокойтесь, ребята, скоро явится, к тётке в деревню уехал.

А на самом деле получилось такое, что мы и представить себе не могли.

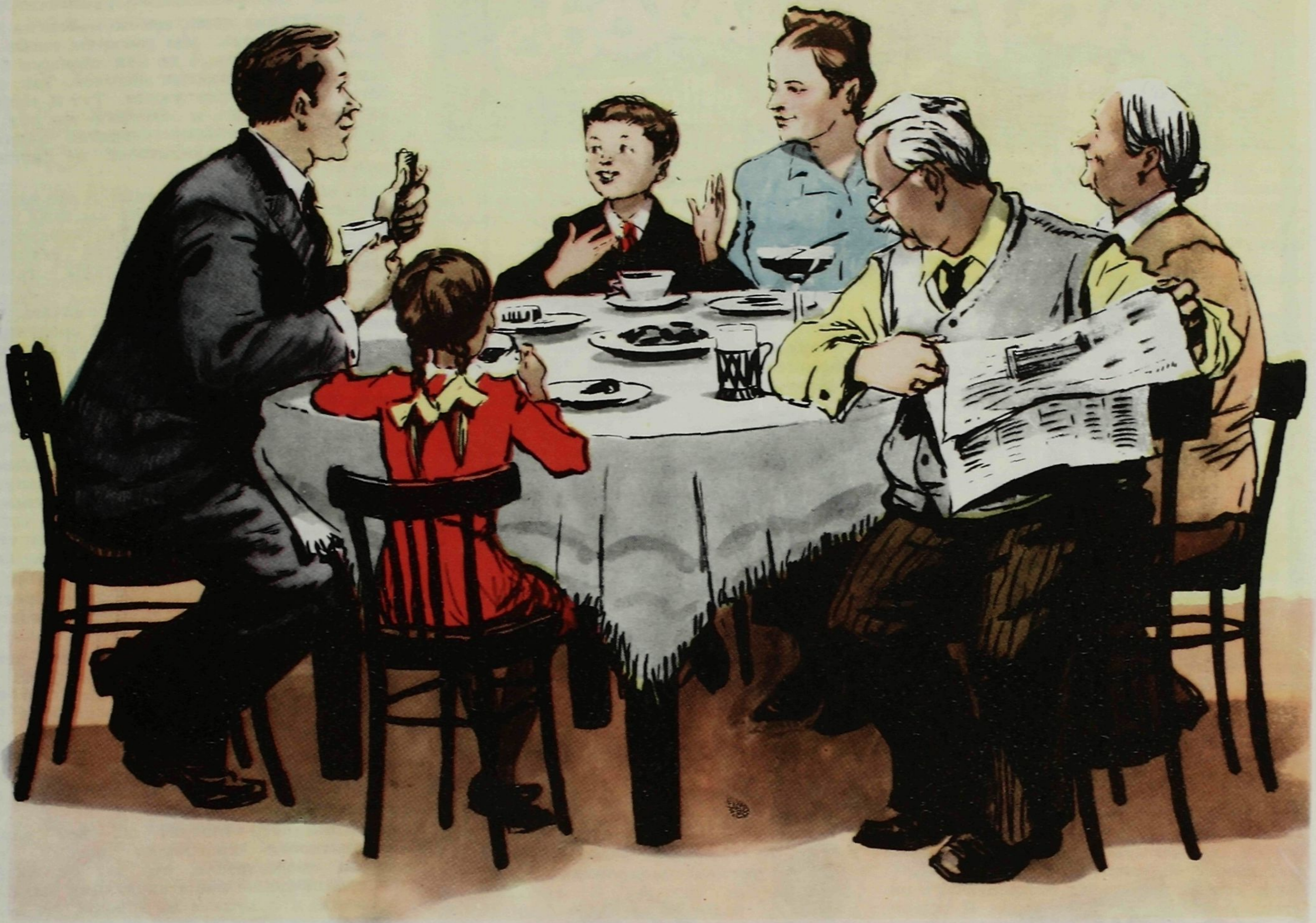
Оказывается, Вася решил самостийно поехать на уездный съезд комсомола. В те годы железнодорожная станция от нашего захолустья была в 50 верстах. Эти версты Вася отмахал пешком. Но сколько он ни пытался попасть на какой-нибудь поезд, ничего не получалось: была война. Документов, кроме комсомольского билета, у него никаких не было. Измерив всю станцию вдоль и поперёк, он увидел группу вагонов, гружённых дровами. На вагонах мелом написано: «Яр — Гл-ов».

Гл-ов — это и есть уездный город, где собирался съезд. Сутки следил Вася за этими вагонами. Поздно вечером он заметил, что к группе вагонов подкатил паровоз. Вася шмыгнул в один из вагонов и спрятался за дровами. Вагоны прицепили к поезду, и Вася поехал.

Как только поезд отошёл от станции и Вася задремал, устроившись на поленьях как можно удобнее, в вагоне вдруг раздались удивительно странные звуки. Хрюканье, собачий лай, свист, ржанье — точь-в-точь, как из повести Гоголя «Пропавшая грамота». Вася хоть и был не из трусливого десятка, но оробел: главное — непонятно, что такое происходит.

Оказалось, что его идею предвосхитили ребята-беспризорники: они ещё раньше Васи забрались в этот вагон.

— А сейчас я вам расскажу о дореволюционной России!
 — Почему же ты!
 — Папа с мамой её не видели, дедушка с бабушкой многое забыли, а я только вчера смотрел в кино «Белеет парус одинокий»!

Долго рассказывать, как ехал Вася с беспризорниками и что он с ними говорил. Расскажу о финале.

На четвёртый день съезда в президиуме, где, кстати, сидела и Ира Новосёлова, появился странный паренёк. В волосах у него торчали соломинки, стружки, куртка была покрыта древесными опилками, на лице два ярких чёрных пятна от угля. Он, запыхавшись, вбежал на сцену и положил на стол президиума какую-то бумажку.

Председательствующий взял бумажку, прочитал, улыбнулся, передал другим. Бумажку прочитала Ира. Она громко рассмеялась, подошла к председателю и что-то долго ему рассказывала. А Вася уже ушёл обратно за кулисы.

Когда очередной оратор высказался, председатель встал и заявил:

— Товарищи, разрешите огласить один внеочередной документ.
 — Просим! Просим!
 — Читаю, товарищи: «Первому уездному съезду Российского коммунистического союза молодёжи. Мы, пять человек беспризорников, категорически решили бросить бродяжничество и стать полезными пролетариями и гражданами Советской России. На это нас сагитировал член РКСМ, дорогой наш товарищ и приятель Вася Филёв, который очень хорошо нам говорил о разной политике. Просим принять нас в ряды РКСМ, а товарища Филёва просим затвердить делегатом вашего съезда. К сему подписуемся».

Ох, что делалось в зале! Шум, аплодисменты, «ура»!

Председатель долго колотил карандашом по чайному стакану и, когда шум несколько утих, сказал:

— Есть предложение принять товарищей бывших беспризорников в комсомол и разрешить им присутствовать на съезде с правом совещательного голоса. Товарища Филёва предлагается считать делегатом съезда и избрать членом президиума...

Ну, тут уж поднялось такое, что и описать трудно! Вася вышел на сцену сияющий, красный от смущения и всё старался закрыть лицо от света: дело, конечно, не в свете было, а в том, что из глаз по черномазым щекам катились предательские слезинки.

Ира Новосёлова подошла к Васе и стала вытирать его лицо чистым батистовым платочком.

...Я часто бываю у Василия Ефимовича Филёва — весёлого краснощёкого генерала с посеребрёнными висками. Когда мы вспоминаем про беспризорников, оказавшихся потом хорошими ребятами и дельными комсомольцами, Василий Ефимович, лукаво подмигнув своей жене, говорит:

— А ну, Иринushка, запевай мою любимую.

Иринushка садится за рояль и сильным, очень приятным голосом начинает:

Майскими короткими ночами,
 Оттремев, закончились бои;
 Где же вы теперь, друзья однополчанс,
 Боевые спутники мои?

Д. БЕЛЯЕВ

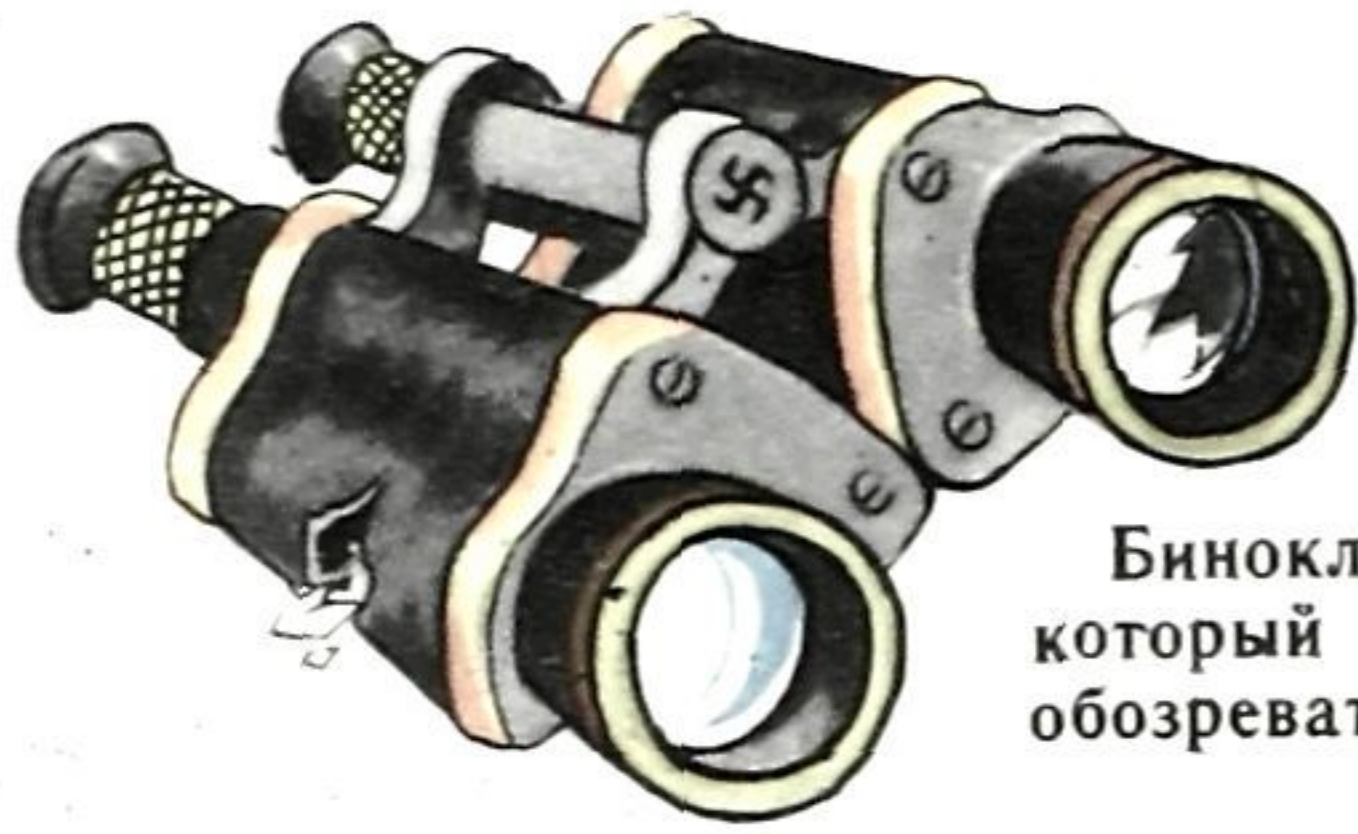
СЕРДИТЫЕ НАДПИСИ

Платье Александры Фёдоровны Керенского, в котором она бежала из Зимнего дворца.

Калоша, в которую в своё время сели англо-американо-французские интервенты.

Бинокль Гитлера, в который он собирался обозревать Москву.

Разбитая фашистская ось.

Денежный чек на имя Тито.

Очки херстовского корреспондента в Москве.

Выходной костюм бывшего английского военного атташе в Москве.

Фальшивки Риджуэя в уолл-стригтовской упаковке.

ВЫ ПРО нашу артель, наверное, слышали. Название-то у неё очень сложное: «Промкоопинсоюзгравэмальтруд».

А продукция наша, тем не менее, на всю область известна. Мы дощечки такие делаем: белая эмаль, а по ней чёрными буквами разные сердитые надписи. Так сказать, на все случаи жизни. Тут и «Мойте руки перед едой», и «Окурки на пол не бросать», и особенно сердитая надпись «Сегодня приём посетителей не производится».

Но это всё для учреждений. А что касается частных лиц, то для них мы тоже изготавливали не очень весёлую продукцию: «Звонок не звонит, просьба стучать», «Граждане, будьте сознательны — гасите свет!»

И вот стали мы однажды замечать, что охладели покупатели к нашей продукции. Бухгалтерия в панике: что делать, как быть?

И действительно, подсчитали мы, что если дело так и дальше пойдёт, то грозит нашей артели форменный финансовый крах.

Думали, думали правленцы, а придумать ничего не смогли. Снизили было отпускную цену — не помогает. Выхлопотали в банке дополнительный лимит, чтобы учреждениям по безналичному расчёту товар отпускать, и, выходит, тоже зря хлопотали. Лимит есть, а покупателей нет.

И созвали тогда общее собрание. Председатель артели от всех этих неприятностей даже заикаться стал.

— Мы, — говорит, — собрали вас всех, чтобы общими силами найти выход из создавшегося тяжёлого положения. Это что же, товарищи, такое? На всю систему позор!

И вот взял тут слово один наш старый работник, известный гравёр, Ключников Сергей Никодимович. Большой мастер на художественные шрифты.

— По-моему, — говорит он, — все наши неприятности произошли потому, товарищ председатель, что мы от жизни отстали. Раньше наша продукция была ко времени, и покупали её хорошо. Но ведь то было раньше! Раньше в нашем городе образованный человек был редкостью, а теперь наоборот: необразованный человек — редкость. Сейчас у нас два театра, кино, дом культуры, четыре библиотеки, лекторий свой, а мы, видите ли, людям советуем «руки мыть» и «окурки на пол не бросать»! Или ещё вот, к примеру, возьмём эту самую дощечку, на которой написано, что «сегодня приёма посетителей не производится». Таких дощечек у нас на складе двести штук, а покупателей на этот товар нет и, к счастью, больше не будет, поскольку горсовет постановил принимать посетителей ежедневно. Пора и нам перестроиться, по-новому работать.

И перестроились.

Теперь у нашей артели дела замечательные. А всё потому, что другую мы выпускаем продукцию, и заказов хоть отбавляй.

Продукцию нашу вы нынче встретите очень часто. Вот, например, в конце города, где висели плакаты «Прохода нет, городская свалка», ныне висят дощечки нашего производства с указателями: «Дорога в городской парк».

Очень хорошо ещё покупают таблички с названиями новых улиц.

Но особенно в большом ходу эмалированные дощечки с красным флажком и надписью посередине: «Здесь работает бригада отличного качества».

И спрос на эту продукцию растёт не по дням, а по часам.

Мих. ЛЕВИТИН

Путешествие в „ВЕСЁЛУЮ ЖИЗНЬ“

О ТОМ, СКОЛЬКО ЯЗЫКОВ НАДО ЗНАТЬ В БЕЛЬБУЛАКСКОМ СЕЛЬСОВЕТЕ

МЫ СТОЯЛИ у асфальтированного шоссе, что вылось у самых предгорий Заилийского Ала-Тау.

— Так что вы шукаете? — переспросил мой спутник Данило Иванович, тучный старик, похожий на Тараса Бульбу. — А? Весёлую жизнь? Так её и шукать не треба. Гляньте-ка на цей шлях!

По шоссе с грохотом катили трёхтонки, полуторки, гружённые зерном, спортом, табаком, лесом. Их обгоняли «Москвичи» и «Победы», в которых сидели по-воскресному одетые колхозники.

— Чем не весело? А? Богатая жизнь! Вчера, к примеру, приходит до головы нашего колхозу Параска, Никифорова дочка, и говорит: «Будь ласка, занарядите нам машину! Завтра мы коллективно едем в театр». Слыхали? Машину! А её батка, Никифор Голузняк, чтоб мне не сойти с этого места, в ту самую Алма-Ату пешком без сапог ходил, и не в театр, а саксаул купцам ломать. Ось вам и театр! — Дед извлёк из ватных штанов жестяную коробочку с нюхательным табаком: — Угощайтесь!.. Не требуется? Жаль. Цей тютюн дуже пользителен.

Дед положил на ногу большого пальца большую щепоть табаку и ловко втянул её в ноздрю. Мощный тютюновый заряд не произвёл на старика никакого впечатления. Он только поморгал глазами и продолжал:

— Теперь весёлую жизнь не шукает. Она сама в руки идёт.

— А я ишу и не могу найти.
— Так вы, може, колхоз шукаете?
— Колхоз.

— Що же вы раньше не сказали? Колхоз «Весёлая жизнь» тут, под боком. Вон, видите, скотобаз — на стенке корова нарисована. Так от той коровы пять минут ходу. Я вас зараз доведу.

Старик снова вынул коробочку и со словами «Заложим силосу у башню» отправил в нос очередную сверхмощную понюшку.

— А кто вы будете? Бухгалтер, артист или делегат? — допытывался старик. — Крокодил! Ось как! А где ваши вилы? Нема? Вы що, тоже на механизацию перешли? Бюрократов комбайнами убираете?

Чем ближе мы приближались к колхозу, тем больше знакомых встречал старик. Он приветствовал их на русском, украинском, казахском, уйгурском и татарском языках. Насладившись произведённым эффектом, Данило Иванович сказал:

— Нам без этого нельзя. Мабуть, вы спросите: почему? Я отведу: многонациональная местность. Это вам не город: один язык знаешь — и всё. В нашем Бельбулакском сельсовете с одним языком не проживёшь.

— Сколько же здесь надо знать языков?
— Как кому! Голова «Весёлой жизни» товарищ Манько, мабуть, знает восемнадцать языков.

— Восемнадцать?
— Так вы спросите, сколько в колхозе разного народа. Русские, казахи, украинцы, киргизы, белорусы, уйгуры, татары, китайцы... — Данило Иванович насчитал восемнадцать национальностей. — Вот оно что! Тут надо голову иметь, що у министр.

— Да, таким колхозом руководить сложно!

— Ой, ой! Таки трудности, таки трудности, что их и в Крокодиле не опишешь! Особенно для головы колхоза. И знаете, ко-

гда для него самая главная заковыка получается?.. Не знаете? Осенью и зимой!

Дед так и не успел сообщить, почему именно осенью и зимой для председателя многонационального колхоза наступают наиболее трудные времена. На дорогу вышел человек, при виде которого лицо старика расплылось в сладчайшей улыбке:

— Вон, гляньте-ка, человек идёт. Он вас до места доведёт и про весёлую жизнь расскажет. Лучше его никто колхоза не знает.

О ТОМ, КАКУЮ РОЛЬ ИГРАЮТ ФИНАНСЫ

ПОКА мы шли в колхоз, новый спутник успел задать десятки вопросов. Он оказался весьма любознательным человеком. Он интересовался высотными зданиями, новинками театрального сезона, подпиской на собрание сочинений Бальзака, выступлениями Газиза Дугашева, молодого алмаатинского дирижёра, приглашённого на работу в Большой театр.

Не так легко было определить профессию нашего попутчика. Сначала мы решили, что он преподаватель литературы. Но когда речь зашла о новостях агробиологической науки, легко было догадаться, что перед нами научный работник. Последнее предположение соседствовало с истиной. Леонид Степанович оказался агрономом. Но работал он председателем колхоза. Вот почему, когда мы зашли в правление, Леонид Степанович Манько сразу же приступил к делу:

— Стало быть, вас интересует «Весёлая жизнь». Хорошо! С чего же мы начнём?

— С весёлой жизни.
— А не начать ли нам с финансов?
— Почему с финансов?
— Очень просто. Если с финансами худо, то не до веселья.

— А у вас разве худо?

— Мы миллионеры, — просто сообщил председатель. — В 1948 году мы получили 2 миллиона 675 тысяч рублей дохода, в 1949 году — 3 миллиона 505 тысяч рублей, в 1950 году — 3 миллиона 600 тысяч рублей, а в нынешнем наш доход перевалил за 4 миллиона. Крокодил это устраивает?

— Вполне.
— Тогда начнём осматривать хозяйство. Эх, и славное у нас хозяйство! — сказал председатель, и глаза его загорелись, как у влюблённого. — Ей богу, славное!

О ТОМ, КАКОЕ НЕОБХОДИМО ХОЗЯЙСТВО ДЛЯ ВЕСЕЛОЙ ЖИЗНИ

А ВЕДЬ прав председатель! Славное хозяйство в «Весёлой жизни»! Свежевыбеленные хатки весело выглядывают сквозь пожелтевшую листву. А за хатками до самого горизонта тянутся сады. А в них красавец-апорт! Кинешь на весы три таких яблока — килограмм! Улыбается садовник и говорит:

— Не стыдно подать народу на праздничный стол, а?

А что за питомники в «Весёлой жизни»? Быстроилась по ранжиру, по шнурку яблоневая молодь. Стоят деревца, словно линейные на параде!

Какие огороды в «Весёлой жизни»! Какие бахчи!

Теперь поглядите на коровник. Тут тебе и подвесная дорога, и водопровод, и автопоилка, и механизированная обработка кормов и молока!

Что и говорить, любят мотор в колхозе!

Всюду: на токах, на мельнице, в мастерских, на фермах, в бригадах — гудят моторы. Колхозная индустрия!..

Да, выращивают ещё в колхозе на опытном поле богатырскую пшеницу. Не так давно увидели её гости из Венгрии.

— Увидели и ахнули! — рассказывает колхозный парторг товарищ Должанский. — Не выдержало крестьянское сердце. Начали гости срывать себе на память колоски. Прячут их — кто в карман, кто за пазуху, кто в шапку. Смеются колхозники. Нажали снопов — одарили гостей.

И пошли венгры, прижав к груди драгоценные снопы.

А вечером в колхозном клубе на колхозном банкете поднял венгр-единоличник стакан колхозного вина и сказал:

— Приеду я в родную деревню и органикую колхоз. И назовём мы его, как вы, «Весёлая жизнь»!

И подняли наши колхозники стаканы за весёлую жизнь венгерских колхозников.

О ТОМ, КАК ШУТИТ ДАНИЛО ИВАНОВИЧ

ПЕРЕД самым отъездом из колхоза вспомнили мы слова старика об особых трудностях, которые возникают осенью и зимой у председателя «Весёлой жизни».

— Почему именно осенью и зимой? — спросили мы у Леонида Степановича.

— Не знаю, — развёл руками председатель. — Спросите у вашего старика. О моих трудностях он, видимо, знает лучше, чем я.

Пришлось разыскать старика. Он не заставил себя долго просить и сразу же пустился в пространные объяснения, мешая по привычке русские и украинские слова:

— Так что же вы не разумеете? Осенью и зимой играют колхозники свадьбы. Вот и приходится председателю бывать на каждой свадьбе. А не бывать нельзя. Ни-ни! Такая будет обида, не приведи господь. Вот он и посещает! И тут-то начинаются трудности. В «Весёлой жизни» восемнадцать национальностей. А каждая национальность имеет свою горилку. Скажем, у одних — горькая, у других — спотыкач, у третьих — чача. Опять же блюда. У одних — бресбармак, у других — пороса с хреном. Одни манты уважают, другие — вареники с вишнями. Одни на шашлык напирают, другие — на плов, одни — на хлеб, другие — на рис, одни — на хрен, другие — на перец. А голоза должен всю эту горилку, всю эту пищу свободно воспринимать. Вот она, главная трудность!

— Неужто это единственная трудность? Тучные плечи деда затряслись от беззвучного смеха.

— А вы и поверили? Ой, ой! Шутки не разумеете. А ещё Крокодил! Куда это годится! Ну, само собою зразумило, трудностей в колхозе ещё богато. Без них не бывает. Без трудностей и дерево не растёт. А тут хозяйство, люди. Не всё у них идёт, как по писанному. Здесь нехватка, там недостача, тут заковыка. Только все эти трудности от того, что хозяйство растёт, вверх подымается. Так и напишите в Крокодиле. Колхоз «Весёлая жизнь» своё название оправдывает на сто процентов. Хорошо живут люди! Вот и всё. До скорого побачення!

Данило Иванович галантно снял шапку и пошёл своей дорогой.

С. ШАТРОВ,
специальный корреспондент
Крокодила

Колхоз «Весёлая жизнь»,
Алма-Атинская область,
Казахская ССР.

Продолжение
следует...

ЮМОР ИНОСТРАННЫЙ

ДВА ВЫИГРЫША

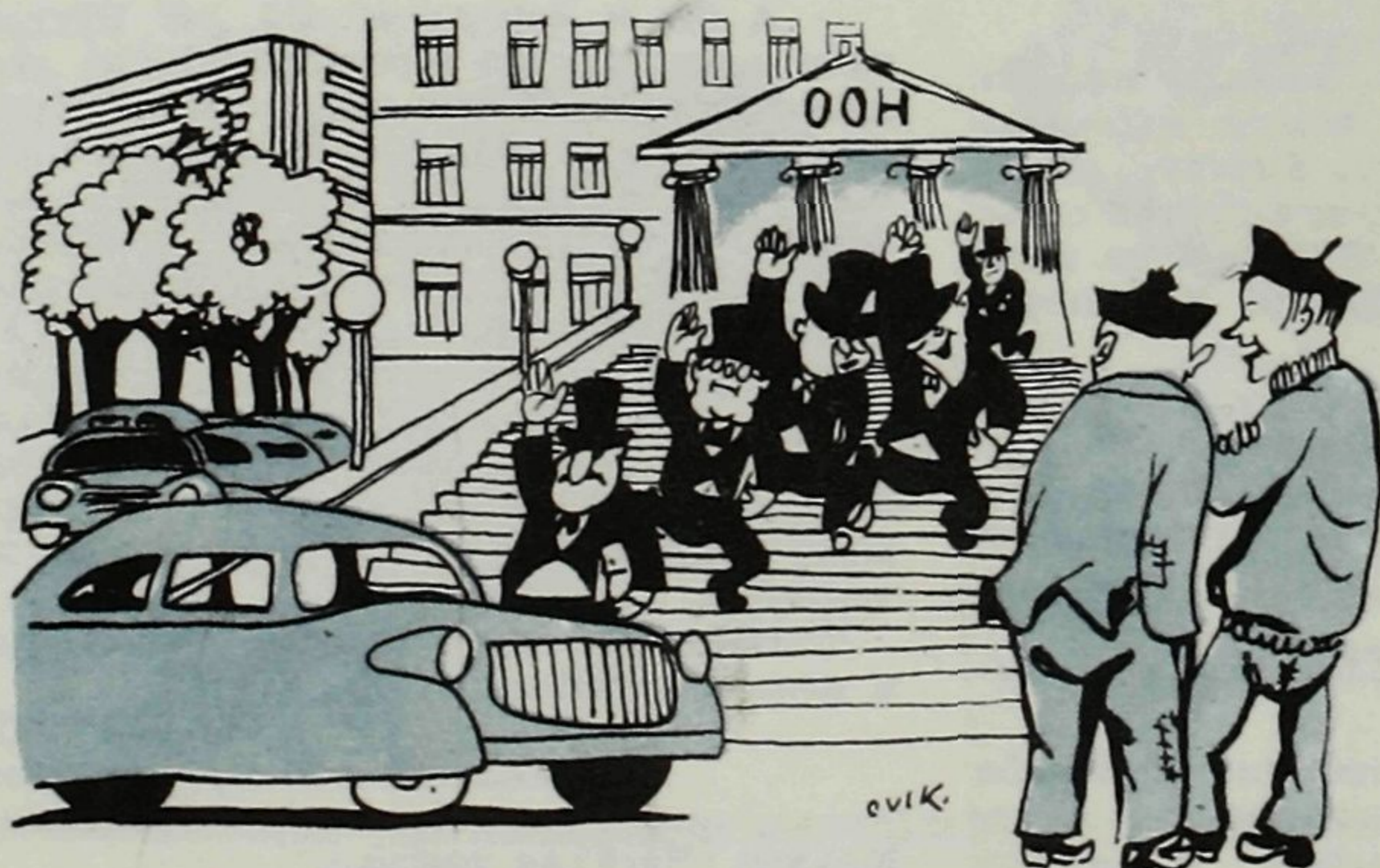
— Маринка, мы с тобой выиграли десять тысяч!
— А ещё кто выиграл?
— Вся наша деревня. Этот заём помог нам построить машинно-тракторную станцию!

(«Лудаш мати», Венгрия)

— Из-за вас моя картина останется недописанной!..

(«Рогач», Чехословакия)

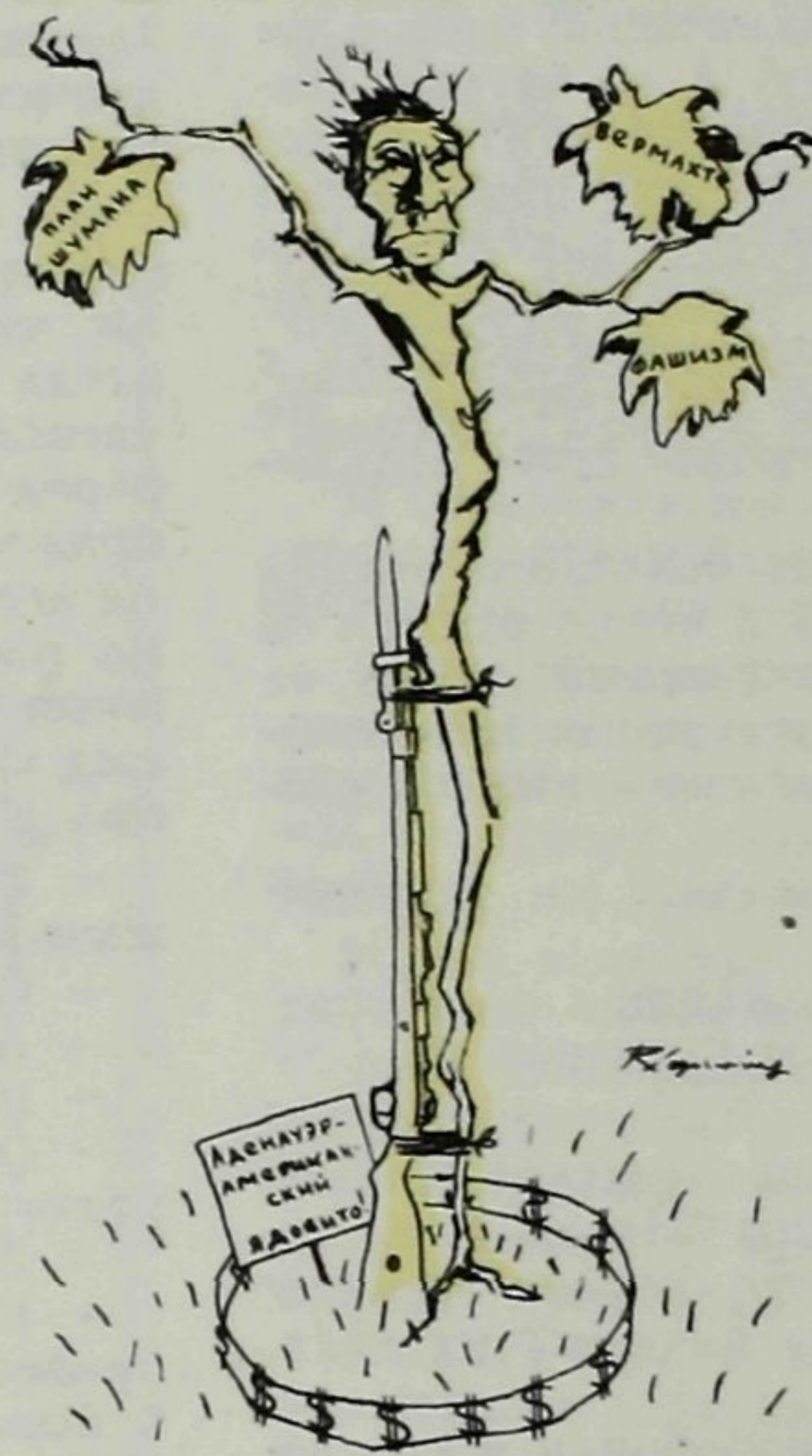
— Вероятно, им забыли сказать, что можно уже опустить руки!..

(«Рогач», Чехословакия)

КОЛХОЗНЫЙ КОЛОС: — Если бы ты прочитал эту книгу, сосед, ты не удивлялся бы моему росту!

(«Урзика», Румыния)

Для того, чтобы Аденауэр упал, надо лишить его опоры.

(«Фришер винд», Германская Демократическая Республика)

К ЯПОНО-АМЕРИКАНСКОМУ
ВОЕННОМУ СОГЛАШЕНИЮ

Груз, опрокидывающий рикшу.

(В роли рикши возрождаемый японский империализм.)

(«Маньхуа», Китайская Народная Республика)

Ироническая смелость

К ВОПРОСУ О ЧИСТОТЕ ЯЗЫКА

Очистим мы язык наверняка,
Коль будем помнить истину простую:
Ведя дискуссии о свойствах языка,
Не надо языком болтать впустую!

УПРЕК ПИСАТЕЛЯМ

Вопросами художественной формы
Лениво занимались до сих пор мы
И наплодили из-за этой лени
Бесформенных немало сочинений!

АВТОРУ НЕУДАЧНЫХ ПОЭМ

Пиши, дружище, покороче.
В твоей поэме «Сорняки»
Не менее двух тысяч строчек,
А мыслей в ней на две строки.
Мысль первая: сорняк — наш враг.
Вторая мысль: долой сорняк!

Сергей ШВЕЦОВ

ЗАКОННОЕ ЖЕЛАНИЕ

(О ПЕСЕННОМ РЕПЕРТУАРЕ
ЭСТРАДЫ)

«Нельзя же пять лет подряд на
каждом концерте слушать «Самару-
городок»!»

(Из письма слушателя.)

Свежий-свежий ветерок,
Загляни хоть иногда
И в «Самару-городок»
И в другие города...

Л. ДАВИДОВИЧ

ОДНА НА ВСЕХ

Прожить без пьес театрам сложно,
А пьеса есть — опять конфуз:
В одну телегу впрячь не можно
Театр сатиры, МХАТ и МТЮЗ!

Н. ЛАБКОВСКИЙ

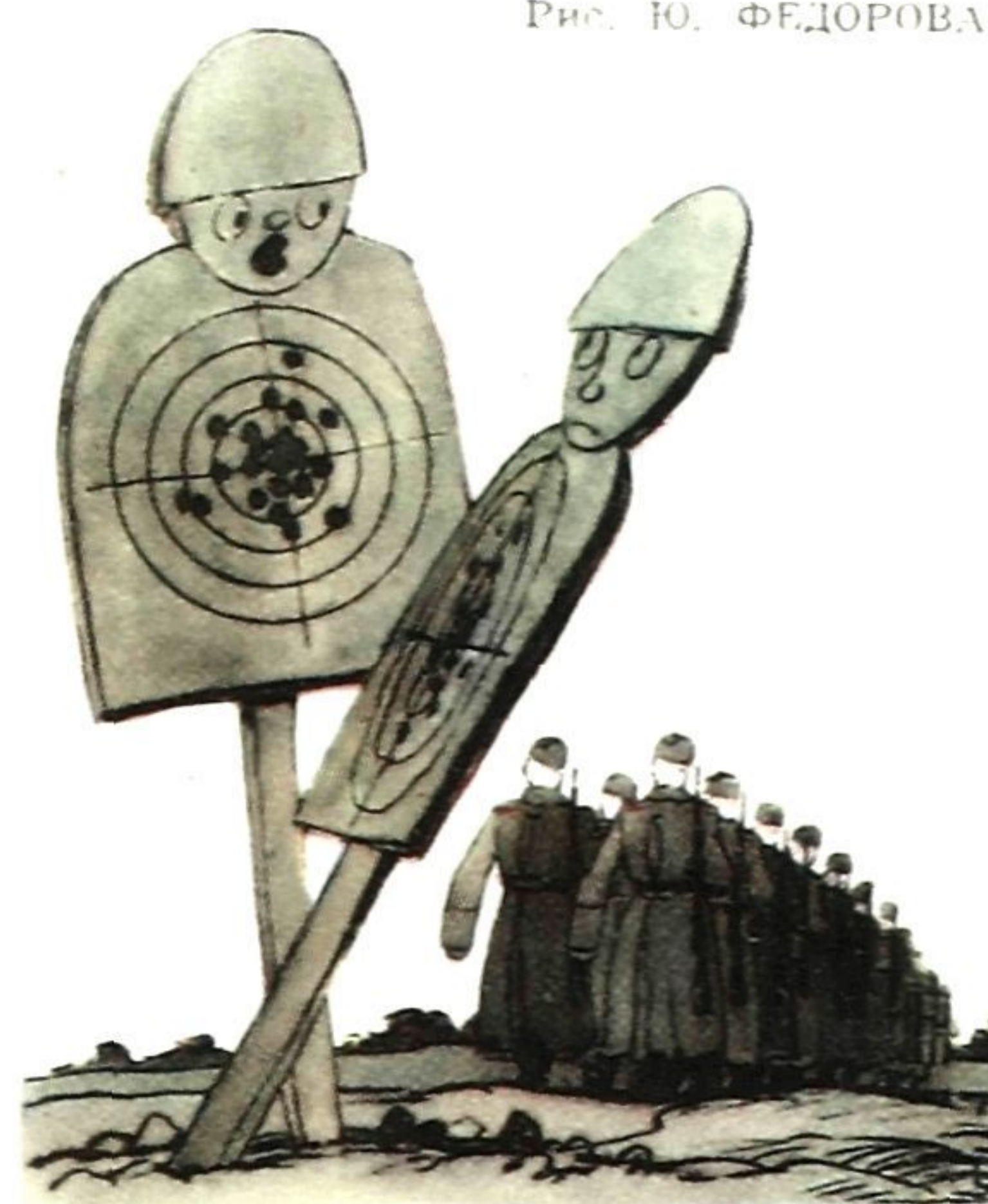
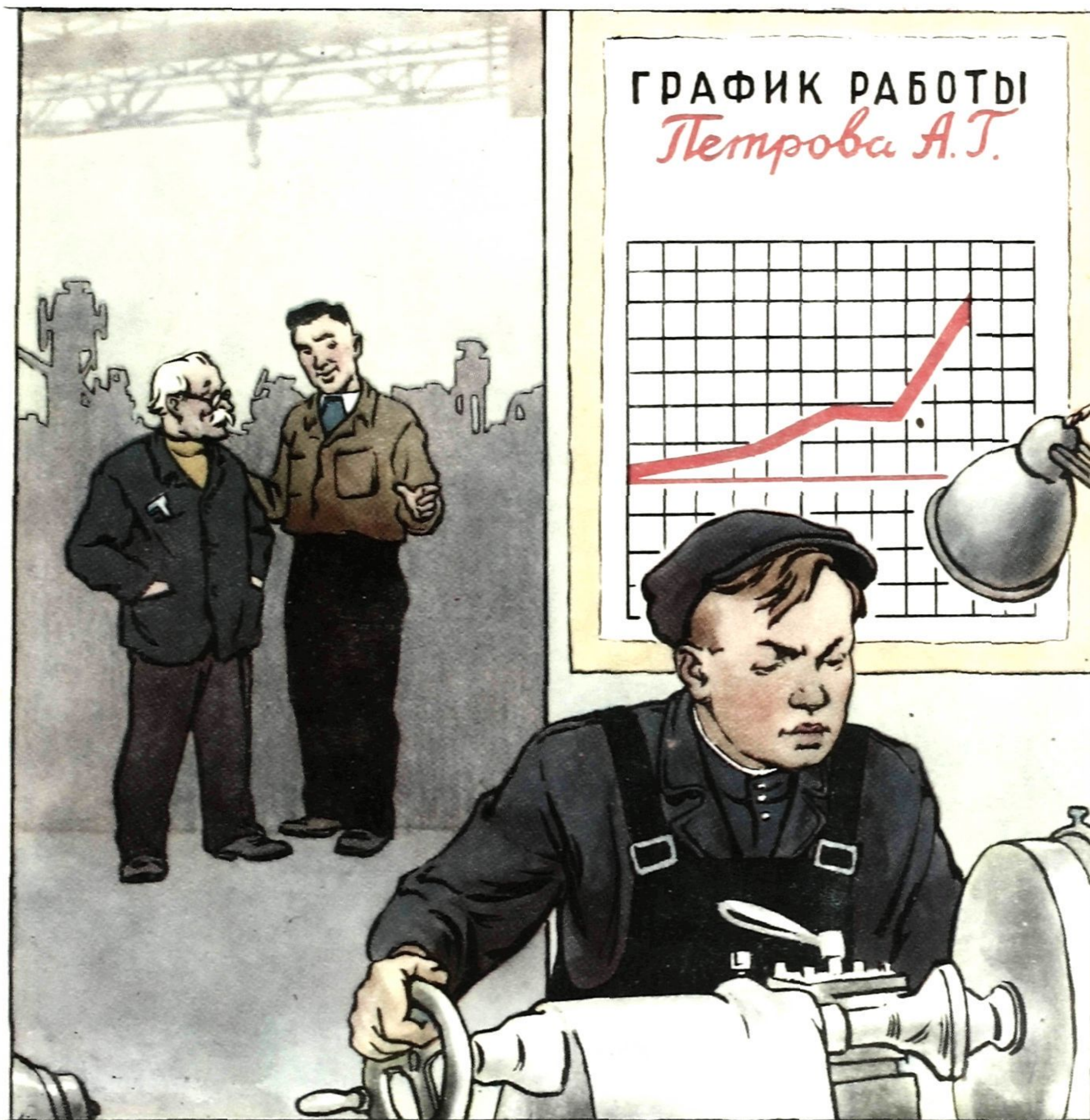

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

— Первая рота сегодня так
стреляла, что я просто... пора-
жена!

ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ...

Рис. С. ЗАБАЛТВЕВА

— Смотри, Петров только окончил училище и уже пошёл в гору!

ОБЕЗБОЛЕННАЯ САМОКРИТИКА

Один писатель каялся с трибуны.
(Отмечен в стенограмме этот факт!)
Его словам созвучно, в такт,
«Души раскрывшейся дрожали струны».
Был в самокритике писатель яр,
Грешить и каяться имел особый дар.
— Здесь оступился я! Там снова дал я маху!
И что ни слово — в грудь удар,
Нещадный, со всего размаху...

И в зале кто-то вздрогнул, сам не свой,
За выступавшего встревожившись невольно.
Но сердобольному сосед шепнул: «Не ной!
Ему ни капельки не больно!
Под пиджаком его ватина толстый слой...»

Ещё встречается доньше
Подобный «самокритик на ватине».

В. ГРАНОВ

КРОКОДИЛЬСКИЕ ЧАСТУШКИ

Дядя Сам своим «секретом»
Перед всем хвалился светом,
Но узнал теперь весь свет,
Что давно «секрета» нет!

Круглый год даёт уроки
Интервентам разных стран
Крепко битый на Востоке
Генерал... Удериан!

Трюве Ли сидит в ООН
И считает там ворон...
Ах, Трюве Ли, ах, Трюве Ли,
ООН в тупик вы завели.

Говорят, мосье Шуман
Сочинил кабальный «план».
И теперь, согласно «плану»,
Нужно в петлю лезть Шуману!

Из Кореи Риджуэй
Скоро вылетит, ей-ей,
За Макартуром вослед
Без сапог и без побед!

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 636. Подписано к печати 22/Х 1951 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 07452. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2548. Тираж 300 000 экз.

АМЕРИКАНСКАЯ ЗАБОТЛИВОСТЬ

Рис. Бор. ЕФИМОВА

— Ещё немного — и ты сможешь быть совершенно спокоен за свою безопасность!